

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. Ю. Татузов¹

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

УДК: 339.9

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (ОПЫТ РЯДА СТРАН)

В статье анализируется ряд актуальных проблем прямых иностранных инвестиций (ПИИ). При этом рассматриваются многие международные процессы, в том числе долгосрочная тенденция к некоторому снижению роли миграций прямых иностранных инвестиций в мировой экономике и относительно уменьшению значения глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). Дается авторская трактовка природы наблюдаемых явлений. По мнению автора, многие негативные тенденции в мире связаны, в частности, с высокой глобальной нестабильностью в дополнение к другим хорошо известным факторам. Целью исследования является попытка переосмысления роли прямых иностранных инвестиций, глобальных цепочек создания стоимости, импортозамещения и других явлений, а также новый взгляд на эти явления в текущих условиях. Особое внимание уделено актуальному для России опыту ряда стран в сфере импорта ПИИ и импортозамещения (Японии, Бразилии, Мексики, Южной Кореи). С учетом опыта этих стран приводятся некоторые рекомендации для российских регуляторов по проведению экономической политики. В статье затрагивается длительный период высокой турбулентности и экономических кризисов, наблюдаемый в России и за рубежом (на протяжении свыше десяти лет). Учитывая многолетний личный опыт в российском бизнесе и банковской сфере, автор приходит к выводу о необходимости пересмотреть ряд принципов, лежащих в основе отечественной экономической политики. В статье рассматриваются оценки ключевых экономических индикаторов, опубликованные международными организациями, такими как Всемирный банк и ЮНКТАД.

Ключевые слова: ПИИ, глобальные цепочки создания стоимости, импортозамещение, экономическое развитие России, волны Кондратьева, экономические циклы.

Цитировать статью: Татузов, В. Ю. (2022). Актуальные тенденции и проблемы прямых иностранных инвестиций (опыт ряда стран). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (4), 3–16. <https://doi.org/10.38050/01300105202241>.

¹ Татузов Виктор Юрьевич — доктор экономики (PhD) Сорбонны, с.н.с., ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН; e-mail: vyatut@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4669-3928.

V. Yu. Tatuzov

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations RAS (Moscow, Russia)

JEL: B27, FO1, F02, F21, F44

CURRENT TENDENCIES AND PRESSING PROBLEMS OF FDI (EXPERIENCE OF SOME COUNTRIES)

The article examines certain pressing problems of Foreign Direct Investment (FDI) and considers many international trends including such as a long-term trend towards a decreasing role of FDI movement and a relative decrease in the role of global value chains (GVCs). The author provides a non-customary approach to the study. The author argues that many negative trends are interconnected, in particular with high global instability together with other well-known factors. The article pays particular attention to the experience of certain countries (Japan, Brazil, Mexico, South Korea) in the field of FDI import and import substitution. Drawing on the experience of these countries, the author suggests certain economic recommendations to Russia's regulators. The review attempts to rethink the role of FDI, GVC, import substitution and other phenomena and to provide a new analysis of them in today's conditions and circumstances. The article touches upon a long period of high volatility and economic crises in Russia's and foreign economy (for over 10 years). Taking into account many years of the author's experience in the Russian business and in the Russian banking sphere, the author comes to the conclusion that rethinking certain principles of national economic policy is required. This article deals with estimates of key indicators published by international bodies, such as World Bank and UNCTAD.

Keywords: FDI, global value chains, foreign direct investment, import substitution, GVCs, economic development of Russia, Kondratieff long waves, economic cycles.

To cite this document: Tatuzov, V. Yu. (2022). Current tendencies and pressing problems of fdi (experience of some countries). *Moscow University Economic Bulletin*, (4), 3–16. <https://doi.org/10.38050/01300105202241>.

Введение

30 лет назад началось проведение российских либеральных экономических реформ. Одним из основных направлений этих реформ стала экономическая открытость, позволившая России участвовать в процессах международного инвестирования. Подчеркнем, что длительное время ведущими странами — инвесторами в экономику РФ были западные страны, и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию во многом происходил из европейского региона (СВР, n.d.; Кузнецов, 2008).

Однако в 2022 г. ситуация в сфере привлечения иностранных (в первую очередь, западных) инвестиций резко трансформировалась. Укажем,

что еще в 2013 г. международное издание «Russia Beyond» в статье «Российские ученые опасаются мировой войны в течение 10 лет» активно цитировало профессора МГУ им. М. В. Ломоносова В. Малкова, развивающего подходы Н. Кондратьева. «Новая мировая война может начаться в ближайшее десятилетие, но нельзя предсказать, будет ли эта война “холодной” или “горячей”», — подчеркнул тогда В. Малков, предсказав в известном смысле сегодняшние геополитические обострения (Russia Beyond, 2013). (Напомним, что Н. Кондратьев писал как о длинных волнах в экономике, так и о длинных волнах геополитических обострений. Как представляется, его гипотезы сегодня подтверждаются.)

В текущем году турбулентность повысилась, и многие явления внешнеэкономической сферы, такие как рост цен на энергоносители, западные санкции, уход ряда иностранных инвесторов из России и высокая волатильность в финансовой сфере коренным образом затронули не только ПИИ между Россией и Западом, но и многие другие параметры мировой экономики, включая международные потоки товаров, капиталов и населения. Принимая во внимание текущие тренды, геополитические и другие риски, руководство РФ заранее предприняло ряд шагов по повышению роли внутренних факторов экономического роста. В частности, уже в 2012–2015 гг. Россией был предпринят ряд мер по развитию импортозамещения.

Различными аспектами ПИИ в разное время занимались многие отечественные и зарубежные экономисты: А. Березной, Т. Белоус, В. Варнавский, С. Виатт, Р. Дзарасов, И. Иванов, В. Загашвили А. Кузнецов, В. Кондратьев, М. Максимова, Ю. Шишков, Г. Чибриков, А. Пороховский, В. Андресф, Ж. Бертин, М. Блюмстрем, Ж. Бхагвати, Д. Даннинг, Е. Дескамп, Б. Дескамп, Р. Кейвс, Ш. Мишале, Ф. Парк, Ж. Энос и др. При анализе ПИИ в статье также упоминаются и возможные долговременные колебания циклического характера (длинные волны Н. Кондратьева), которые в России и за рубежом, в частности, изучали А. Акаев, С. Глазьев, Р. Гринберг, Л. Гринин, С. Комлев, А. Коротаяев, В. Маевский, С. Малков, С. Меньшиков, Р. Нуреев, В. Пантин, Н. Покидченко, А. Полетаев, В. Садовничий, Б. Берри, И. Валлерстайн, Э. Мандел, К. Перес, У. Ростоу, С. Соломоу, Й. Шумпетер и другие авторы.

Основной целью статьи является исследование ПИИ в изменившихся сегодня условиях (в том числе анализ зарубежного опыта в плане его возможного использования в нашей стране).

Задачи исследования:

- проанализировать особенности текущей динамики миграций ПИИ;
- по-новому рассмотреть опыт ряда стран, использовавших открытость/закрытость по отношению к западному капиталу (в частности, в сочетании с импортозамещающим/экспортноориентированным ростом и другими факторами);

- изучить возможность учета во внешнеэкономической политике РФ некоторых современных тенденций и аспектов международного опыта в сфере ПИИ;
- сделать ряд практических выводов, актуальных в новых условиях для внешнеэкономической политики РФ.

Структура статьи предполагает анализ этих проблем и реализацию указанных задач в следующей последовательности. В первом разделе исследуется некоторое снижение роли глобальных цепочек создания стоимости и миграций ПИИ как тенденция, существующая на протяжении относительно долгих лет. Во втором разделе рассматриваются уменьшение притока прямых иностранных инвестиций в экономику РФ, а также ряд шагов руководства РФ по повышению роли импортозамещения в последние годы. В третьем разделе анализируется опыт ряда стран в сфере импорта ПИИ в сочетании с экспортоориентированным/импортозамещающим экономическим ростом и другими факторами.

При этом более глубокий сравнительный анализ импортозамещения и экспортоориентированного роста, а также глобальных/национальных цепочек создания стоимости выходит за рамки статьи. Акценты в ней расставлены с учетом особой важности на нынешнем этапе импортозамещения и поиска альтернатив западным ПИИ для экономики РФ (в силу объективно сложившейся ситуации).

Динамика ПИИ на глобальном уровне

В последние годы мировые потоки ПИИ (в номинальном выражении) оставались на более низком уровне, чем до кризиса 2008–2010 гг. (рис. 1). Это гипотетически связано с длительным периодом глобальной турбулентности, начавшимся примерно в 2008 г. (ростом протекционизма и санкций, высокой волатильностью на сырьевых, валютных, финансовых рынках, волнами пандемии COVID-19 и т.д.) и не завершившимся до сих пор.

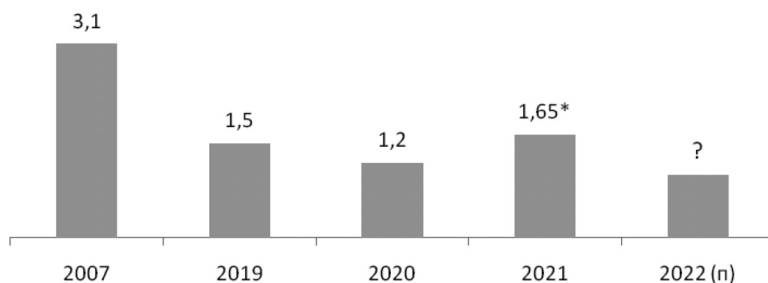

Рис. 1. Глобальные потоки ПИИ (в номинальном выражении, трлн долл.)

* Оценки UNCTAD, 2022.

Источник: (World Bank, 2022a).

Под влиянием растущих тенденций к протекционизму, экономической обособленности и других центробежных сил международные организации прогнозировали возможный рост в ближайшие годы внутрирегиональных ПИИ, в частности, с целью обеспечения в этих условиях устойчивости поставок в рамках глобальных цепочек создания стоимости. Согласно ЮНКТАД, статистически в 2019 г. на общий накопленный объем двусторонних ПИИ стран одного региона приходилась почти половина всех накопленных ПИИ в мире. Это в ощутимой мере был чисто статистический эффект, и в реальности, по оценкам ЮНКТАД, доля накопленного объема двусторонних ПИИ стран одного региона находилась на уровне всего 30%, что вероятно создает базу для дальнейшего повышения роли региональных ПИИ (UNCTAD, 2021).

Несмотря на рост в 2021 г. ПИИ в мире более чем в 1,5 раза (см. рис. 1), международные организации характеризовали этот рост как восстановительный и в январе 2022 г. указывали на многочисленные риски для этого роста:

- возможные новые волны пандемии COVID-19;
- кризис в здравоохранении, связанный с пандемией;
- прогнозируемые узкие места в цепочках поставок;
- возможный рост цен на энергоносители;
- вероятное усиление инфляции;
- ожидавшуюся нехватку определенных видов трудовых ресурсов (в частности, из-за ограничений на ее мобильность в условиях пандемии) (UNCTAD, 2022).

Этот восстановительный рост был во многом связан с реализацией ранее запланированных проектов, отложенных из-за пандемии, включая слияния и поглощения, что особенно проявилось в США. Однако возможности восстановительного роста были в ощутимой мере исчерпаны, причем активно сказались многие перечисленные выше риски для межстрановых потоков инвестиций. По факту в 2022 г. из-за геополитических обострений в Европе масштаб роста цен на энергоносители, усиления инфляции и срыва многих цепочек поставок значительно превзошел январские ожидания международных организаций по поводу предстоящих рисков. В связи с этим в 2022 г. динамика ПИИ в России и мире по факту, вероятно, будет означать продолжение в целом наблюдавшейся уже сравнительно давно более низкой по сравнению с уровнем 2007 г. траектории (несмотря на временные подъемы) (рис. 1).

Уже длительное время отмечается также некоторое снижение роли другого явления, тесно связанного с международной миграцией ПИИ — глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). Нисходящая траектория, как представляется, начала формироваться в связи с экономическим кризисом, разразившимся в 2008 г., при этом некоторое сокращение роли ГЦСС статистически стало отчетливо проявляться примерно с 2012 г.

(Варнавский, 2021, 16–17). По мнению отечественных экспертов, этот «откат» возможно носит временный характер, поскольку в основе развития международных цепочек стоимости находятся объективные закономерности, связанные с НТП и углублением международного разделения труда (Загашвили, 2017, 29).

Укажем, что этот «откат» в сфере миграций ПИИ длится уже много лет, что может быть объяснено, в частности, в рамках гипотезы о длинных волнах в экономике. Ряд сделанных на ее основе прогнозов оказались ближе к действительности, чем многие другие. Так, в 2020 г. в рамках этого подхода, с учетом ожидавшегося роста ряда рисков, автором подчеркивалась необходимость географической диверсификации внешнеэкономических связей РФ и их переориентации с развитых стран на страны БРИКС (Tatuzov, 2020, 37, 39).

Напомним, что в 1922 г., т.е. ровно 100 лет назад, Н. Кондратьев опубликовал книгу: «Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны», в которой впервые высказал идею длинных волн в экономике. Уже одно название этой книги говорит о ее сегодняшней актуальности. В 1925 г. Н. Кондратьев развил эти идеи и, в частности, исследовал большие циклы геополитических конфликтов. Подчеркнем, что согласно Н. Кондратьеву существуют длительные периоды высокой турбулентности с частыми ощутимыми экономическими кризисами и усиленным протекционизмом, т.е. неблагоприятные для развития внешнеэкономических связей. Эти периоды называются понижательными стадиями длинного экономического цикла и, как полагают специалисты, в современных условиях эти периоды длятся около 20 лет (подробнее см., например, Тагузов, 2021, 9).

Укажем, что экономические потрясения 1930-х гг. и Вторая мировая война в известном смысле повторились через 40 лет (цепочка мировых экономических кризисов 1970-х гг. и война в Афганистане). Спустя 40 лет после мировых экономических кризисов 1970-х гг. опять разразился глубокий экономический кризис (2009 г.), причем начавшийся тогда период высокой глобальной экономической и геополитической неустойчивости продолжается до сих пор, оказывая воздействие на многие процессы, включая миграции ПИИ. (Подчеркнем, что спецоперация РФ на Украине началась примерно через 40 лет после начала войны СССР в Афганистане и через 80 лет — после начала Великой Отечественной войны.) При всей условности этих сравнений и случайных факторах в данном случае хорошо иллюстрируется, хотя и в упрощенной форме, гипотеза о возможном существовании длинных циклов (примерно 40 лет) в экономике и геополитических конфликтах. Все это требует дальнейшего изучения, так как по опыту многолетней работы автора в банковской и деловой сфере прогнозы, которые им делались на протяжении 10–15 лет с использованием длинных волн (около 40 лет), показали высокую

эффективность. По крайней мере, при всех условностях, упрощениях и совпадениях эти прогнозы по факту оказались гораздо ближе к действительности, чем отечественная «Стратегия-2020», или ряд прогнозов международных организаций.

Упрощенно говоря, начавшаяся примерно в 2005–2010 гг. гипотетическая понижательная стадия кондратьевского цикла (около 1/2 от длинной волны, длящейся 40 лет) может продлиться ориентировочно до 2025–2030 гг. Это, в частности, связано с динамикой инвестиций. Трудно ожидать существенного роста миграций ПИИ, если и внутренние инвестиции долго не показывают необходимого роста. Так, в России на протяжении многих лет инвестиции в целом, в основном, либо снижаются, либо стагнируют, а в ЕС отношение инвестиций к ВВП, достигнув в четвертом квартале 2007 г. своего пика (25%), затем снизилось и в 2010–2021 гг. находилось на уровне 19–24% (СЕИС, 2022).

Импорт ПИИ в экономику РФ: пересмотр подходов

Турбулентный период, начавшийся примерно 15 лет назад, продолжается. Хотя экономика России в 2009–2020 гг. уже трижды демонстрировала в реальном выражении негативные темпы прироста ВВП, и экономика ее основного партнера в сфере импорта ПИИ — еврозоны продемонстрировала это четыре раза (рис. 2 и 3), экономические перспективы этих регионов снова выглядят неблагоприятными. Так, в апреле 2022 г. Всемирный банк спрогнозировал падение экономики России на 11,2% по итогам текущего года; в еврозоне этого также нельзя исключать в случае радикального отказа европейцев от импорта российских энергоносителей уже в ближайшее время, введения еще более жестких ограничений на экспорт товаров и услуг в РФ, более активного их вмешательства на Украине и т.д. (Политика европейцев пока выглядит недостаточно ясной, чтобы делать достаточно точные прогнозы.)

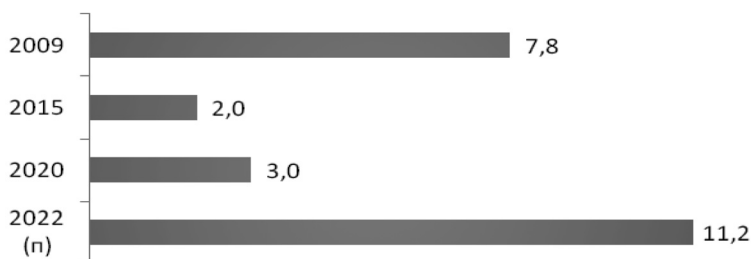

Рис. 2. Падение ВВП РФ (в реальном выражении, %)

Источник: (IMF, 2021; World Bank, 2022b).

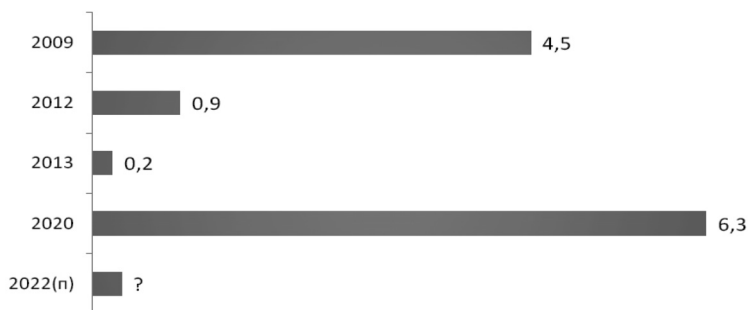

Рис. 3. Падение ВВП в еврозоне (в реальном выражении, %)

Источник: (IMF, 2021).

В условиях этой длительной турбулентности, которую, в частности, испытывают экономики РФ и ее основного партнера в сфере ПИИ — еврозоны, импорт ПИИ в РФ оставался в последние годы на более низком уровне, чем до кризиса 2008–2010 гг. Укажем, что, если резкий разворот ситуации в сфере импорта западных ПИИ в России произошел только в 2022 г., то общий вектор стал меняться уже несколько лет назад (рис. 4). Так, в 2014 г, а не в 2022 г., появилась тенденция к уходу западных компаний из России. (В 2014 г. стали вводиться западные санкции, которые привели к приостановке ряда проектов, в частности, в нефтегазовом секторе РФ.) По существу глобальная ситуация в сфере ПИИ изменилась примерно 15 лет назад, когда возможно произошел переход мирового развития к так называемой гипотетической понижательной стадии кондратьевского цикла, как отмечалось выше. Сегодняшние катаклизмы снова рождают ассоциации с длинными волнами в экономике и геополитике и по-новому ставят вопрос о необходимости продолжения изучения этих вопросов.

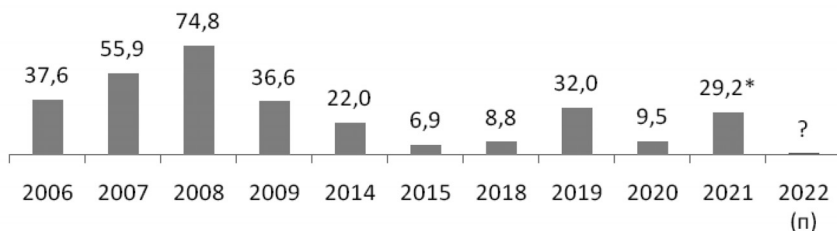

Рис. 4. Приток ПИИ в экономику РФ (в номинальном выражении, млрд долл.)

* Данные за три квартала 2021 г. (ЦБ РФ, 2022, 5).

Источник: (World Bank, 2022с).

В январе 2012 г. была опубликована статья В. Путина «О наших экономических задачах», в которой говорилось о необходимости более чет-

кой формулировки промышленной политики в России. При этом были названы ее отраслевые приоритеты, к которым, в частности, относились авиационная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Вопросом импортозамещения российское государство также начало активно заниматься в 2012 г. Импортозамещение, в частности, стало одной из целей «Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы».

Начавшиеся в 2014 г. волны антироссийских санкций, вводимые западными странами, еще более усилили интерес руководителей РФ к вопросам импортозамещения. В 2015 г. было принято решение о создании Правительственной комиссии по импортозамещению (см. постановление Правительства Российской Федерации от 04.08.2015 № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению»). Высокий интерес руководителей РФ к вопросам импортозамещения с тех пор не ослабевал. В 2022 г. в условиях новых антироссийских санкций актуальность этих вопросов еще больше возросла. Об этом, например, говорилось 22 марта 2022 г. на встрече В. Путина с членами Правительства РФ (Meeting with Governments Members, 2022).

Некоторые возможные стратегии в сфере импорта ПИИ (опыт ряда стран)

С учетом стоящих задач рассмотрим под новым углом зрения ряд примеров различных вариантов возможной стратегии в сфере импорта ПИИ. Подчеркнем, что все эти примеры, как и опыт СССР (при нулевом импорте ПИИ), показывают важность международных технологических трансфертов для ускорения экономического роста. В частности, в СССР в этом направлении эффективно работала советская разведка. Другими словами, в условиях советского импортозамещения большое значение имел импорт западной технологии — например, западная технология сыграла важную роль в создании и развитии советского автомобилестроения (Sokoloff, 1993).

Японский опыт

Запрет на импорт ПИИ в сочетании с *импортозамещением и промышленной политикой* применялись во времена японского «экономического чуда». При этом новые товары и материалы часто успешно создавались вместо ранее импортировавшихся товаров и материалов. Например, существовали госпрограммы создания таких материалов, курировавшиеся соответствующими министерствами. Импортозамещение в этих секторах со временем сопровождалось продвижением товаров и на внешние рынки. Лауреат Нобелевской премии П. Кругман рассматривает японское «экономическое чудо» как в известном смысле позитивный опыт импортозамещения, допуская возможность относительно успешного использования

в ряде случаев аргумента «защиты молодых отраслей» (Krugman et al., 2018, 312). При этом, хотя импорт западных ПИИ тогда практически не использовался, Япония активно импортировала западную технологию по другим каналам — в первую очередь, по каналу импорта западных лицензий.

Как показывает опыт японского «экономического чуда», актуальные сегодня для России импортозамещение и отсутствие западных ПИИ, однако, не должны означать отказа от трансфертов технологий из-за рубежа по иным каналам. В основе японского автомобилестроения были соглашения, заключенные 1950-е гг. с «Рутс моторз», «Крайслером» и т.д. (Franko, 1983). В результате кооперации с западными фирмами в Японию пришла и технология производства кинескопов. В целом благодаря связям с западными фирмами (в первую очередь, с американскими) японские предприятия преодолели свое отставание в области технологий. Очевидно, что без импорта технологий японское импортозамещение во времена японского «экономического чуда» было бы невозможным — по линии импорта лицензий происходили ее масштабные трансферты в Японию, причем в отсутствие западных ПИИ (Descamps, & Descamps, 1985).

Бразилия и Мексика

В Бразилии и Мексике на определенных этапах активно применялись *импортозамещение* и активный *импорт ПИИ* (Ахметов, & Нзенге, 2020). Важным фактором привлечения ПИИ были рост производительности труда и размеры внутреннего рынка этих стран. Определенные позитивные результаты импорта ПИИ были достигнуты (Ramirez, 2017). Так, П. Кругман сравнительно по-новому рассматривает опыт этих стран, не критикуя их политику импортозамещения, а, наоборот, подчеркивая, что темпы роста экономики Бразилии и Мексики с конца 1980-х гг. снизились по мере отхода этих стран от импортозамещения к более либеральной внешнеэкономической политике (Krugman et al., 2018, 322).

В Мексике разрыв в показателях производительности труда и издержек производства между мексиканскими компаниями и филиалами ТНК, первоначально был очень высокий, со временем заметно сократился. В нефтедобывающей промышленности и машиностроении Бразилии возникли крупные местные компании, постепенно отвоевавшие у ТНК большую часть внутреннего рынка и экспорта из страны. Немалую роль сыграли технологические трансферты от ТНК в направлении местных фирм. Так, контракты между ТНК и местными фирмами нередко включали массовое обучение и переобучение национальных кадров, приобретение потребителем прав на самостоятельное распространение технологии, полный доступ к улучшениям, которые может осуществить страна, передающая технологию. В целом опыт импорта ПИИ этих стран в сочетании с импортозамещающей индустриализации достаточно противоречивый (Blomstrom, 1983; Colistete, 2010; Dias et al., 2014). Судя по опыту этих стран, России сегодня следует диверсифицировать пути технологических трансфертов. В част-

ности, необходимо более рационально использовать уже действующие в ее экономике предприятия с иностранным участием с целью технологических трансфертов, что особенно важно в условиях западных санкций и других особенностей текущей ситуации в экономике РФ.

Южная Корея

Южнокорейское «экономическое чудо» является примером *активного регулирования импорта ПИИ* в сочетании с экспортоориентированным ростом и хорошо продуманной промышленной политикой. При этом с 1953 по 1960 г. проводилась политика импортозамещения (Воздвиженский, 2015). Экономическая политика в это время не была успешной по всем направлениям, однако, несмотря на ряд недостаточно эффективных шагов, имела и ряд позитивных результатов, подготовив почву для будущего экспортоориентированного роста. Использование на начальных этапах внутреннего рынка позволило затем более эффективно переходить к экспортной экспансии. Иностранный капитал привлекался во многом в ключевые отрасли экономики (например, электронную и электротехническую промышленность, производство стали, химическую промышленность и т.д.). Основной формой привлечения иностранного капитала стали совместные предприятия с участием иностранцев на уровне 50%. Обмен информацией и кадрами, проведение регулярных выставок, стажировок, симпозиумов и другие факторы способствовали тому, что происходили трансферты технологий в направлении южнокорейских фирм. Со временем стали возникать южнокорейские предприятия, производящие продукцию по качеству близкую к продукции совместных предприятий (Enos, & Park, 1988). Опыт южнокорейского «экономического чуда» позволяет еще раз подчеркнуть важность технологических трансфертов, которые имели место при импорте ПИИ и позволили в дальнейшем создать конкурентоспособные национальные предприятия (Seth, 2017).

Выводы

Глобальная турбулентность и геополитические обострения на текущем этапе — это повод еще раз вспомнить гипотезу о длинных волнах в экономике и о длинных волнах геополитических обострений, продолжающихся около 40 лет. Очевидно, что не учитывающая их методика прогнозирования, построенная на механическом копировании прогнозов международных организаций, в очередной раз дала сбой. Эти прогнозы предполагали, что после экономического кризиса 2020 г. произойдет быстрый выход многих стран на траекторию относительно благополучного экономического роста. Однако по факту мировая экономика сегодня сталкивается с огромными потерями из-за новых антироссийских санкций, ответных мер РФ, вынужденных миграций населения и т.д. Как представляется, осязаемое

устойчивое улучшение ситуации в экономике многих стран и в сфере миграций ПИИ возможно не ранее 2025–2030 гг.

В этих нелегких для многих стран условиях и с учетом задач, стоящих по развитию импортозамещения в России, не следует игнорировать возможности международного разделения труда, даже несмотря на то, что эта форма разделения труда сегодня переживает далеко не лучшее время. Во многих странах (например, в Японии, Бразилии, Мексике, Южной Корее) для повышения эффективности импортозамещения, проведения промышленной политики и ускорения экономического роста использовались масштабные технологические трансферты из-за рубежа, в том числе по линии импорта ПИИ, и, в частности, в ряде случаев эффективно использовались ПИИ в импортозамещающих производствах. Сегодня в России необходимо по-новому исследовать опыт этих стран.

В случаях успешной внешнеэкономической стратегии выбранный страной вариант политики в сфере привлечения ПИИ гармонично сочетается с иными видами проводимой политики — промышленной, научно-технической, внешнеэкономической и др. Например, по опыту ряда стран, при отсутствии притока западных ПИИ возрастает роль других каналов трансфертов иностранной технологии. В частности, России требуется:

- полнее использовать уже вложенные иностранные инвестиции в экономику РФ (в частности, в плане возможного обмена опытом, информацией, кадрами и т.д.);
- не только повысить роль российских исследовательских учреждений, но и активизировать конкурентную разведку, «бенчмаркетинг» и другие источники получения информации о современных зарубежных технологиях;
- шире привлекать ПИИ из не-западных регионов;
- полнее использовать преимущества интеграционных группировок (ЕАЭС, БРИКС и т.д.).

Проводимое импортозамещение и сегодняшнее снижение притока западных ПИИ не означают отсутствия потребности экономики РФ в технологических трансфертах. Представляется целесообразным более полное использование сохраняющихся возможностей в сфере внешнеэкономических связей России с целью роста ее национальной экономики, науки и техники. Особенно остро стоит вопрос о развитии отечественных научных школ в естественных, технических, общественных науках (в том числе необходимо изучать и развивать подходы Н. Кондратьева в сфере прогнозирования).

Список литературы

Ахметов, Р. Р., & Нзенге, Н. А. (2020). Особенности бразильской политики прямых иностранных инвестиций. *Московский экономический журнал*, 8, 601–606. <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2020-58/>

Варнавский, В. Г. (2021). Глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии COVID-19. *Мировая экономика и международные отношения*, 1, 14–23. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2021/1-t-65/economy-economic-theory/global-value-chains-gvcs-and-covid-19-pandemic>

Воздвиженский, А. С. (2015). Опыт Республики Корея в реализации политики импортозамещения). *Восточная аналитика*, 4, 37–47. https://ivran.ru/f/E-analitika_2015_4_digit.pdf

Загашвили, В. С. (2017). ВТО и мегарегиональные торговые соглашения. *Российский внешнеэкономический вестник*, 5, 27–37. [http://www.rfej.ru/rvv/id/50044EAAB/\\$file/27-37.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/50044EAAB/$file/27-37.pdf)

Кузнецов, А. В. (2008). Прямые инвестиции из Евросоюза в России. Дата обращения 31.05.2022, <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=35937>

Татузов, В. Ю. (2021). Прямые иностранные инвестиции и западноевропейская интеграция: некоторые циклические факторы. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (3), 3–19. <https://doi.org/10.38050/01300105202131>

ЦБ РФ. (2021). Платежный баланс РФ (4 кв. 2021 г.). Дата обращения 31.05.2022, https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39718/Balance_of_Payments_2021-04_10.pdf

Blomstrom, M. (1983). *Foreign Investment Technical efficiency and structural change*. Compendit-Lindome, 1983.

СБР (n.d.). *External Sector Statistics*. Retrieved May, 31, 2022, from https://www.cbr.ru/eng/statistics/macro_itm/svs/

CEIC (2022). *Investment database*. Retrieved May, 31, 2022, from <https://www.ceicdata.com/en/indicator/european-union/investment--nominal-gdp#:~:text=European%20Union%20Investment%20accounted%20for,an%20average%20ratio%20of%202022.0%20%25>

Colistete, R. (2010). *Revisiting Import-Substituting Industrialisation in Post-War Brazil*. MPRA.

Descamps, E., & Descamps B. (1985). *Les societe multinationales: pouvoirs et contre-pouvoirs*. Chronique Sociale.

Dias, M., Dias, J., & Hirata, J. (2014). Foreign direct investment in Brazil: The effects of productivity and aggregate consumption. *Journal of Stock & Forex Trading*, 3, Article 127. <https://www.longdom.org/open-access/foreign-direct-investment-in-brazil-the-effects-of-productivity-and-aggregate-consumption-2168-9458.1000127.pdf>

Enos W., & Park J. (1988). *The Adoption and Diffusion of Imported Technology*. Croom Helm.

Franco, L. (1983). *Replique occidentale aux multinationals japonaises*. PUF.

IMF. (2021). World Economic Outlook (October). Retrieved May, 31, 2022, from https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD

Krugman, P., Obstfeld, M., & Melitz, M. (2018). *International Economics. Theory & Policy*. Pearson Education Limited. Retrieved May, 31, 2022, from <https://drive.google.com/file/d/1frSuX6Qv3M6HdYrj94Eh6Pz5N7FNUZwt/view>

Meeting with Governments Members. (2022). Retrieved May, 31, 2022, from <http://en.kremlin.ru/events/president/news/68037>

Ramirez, M. (2017). FDI Flows to Latin America: A Pooled and Cointegration Analysis, 1980–2014. *Business and Economic Research*, 2, 178–201 <https://econpapers.repec.org/RAS/pral182.htm>

Russia Beyond. (2013). Retrieved May, 31, 2022, from https://fr.rbth.com/tech/2013/04/16/les_experts_russes_redoutent_une_guerre_mondiale_dici_dix_ans_23165

Seth, M. (2017). South Korea's Economic Development, 1948–1996. <https://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-271>

Sokoloff, G. (1993). *La puissance pauvre*. Fayard.

Tatuzov, V. (2020). Contemporary global economic crisis: Some conclusions for Russia and BRICS (taking into account Kondratieff long waves). *BRICS Journal of Economics*, 2, 37, 39. <https://www.brics-econ.org/archive/2020.Vol.1.No.2/2/>

UNCTAD. (2021). World Investment Report: Investing in Sustainable Recovery. Retrieved March, 11, 2022, from https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf.

UNCTAD. (2022). Global Investment Trends Monitor, 40. Retrieved May, 31, 2022, from <https://unctad.org/webflyer/global-investment-trend-monitor-no-40>

World Bank. (2022a). FDI database. Retrieved May, 31, 2022, from <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD>

World Bank. (2022b). War in the Region. *Europe and Central Asia Economic Update (Spring)*. Retrieved May, 31, 2022, from <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update>

World Bank. (2022c). RF database. Retrieved March, 10, 2022, from <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=RU>.

References

Ahmetov, R. R., & Nzenge, N. A. (2020). Features of the Brazilian Foreign Direct Investment Policy. *Moscow Economic Journal*, 8, 601–606. <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2020-58/>

CBR. (2021). The balance of Payments of the Russian Federation (Q4, 2021). Retrieved May, 31, 2022, from https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39718/Balance_of_Payments_2021-04_10.pdf

Kuznetsov, A. V. (2008). FDI from EU to Russia. Retrieved May, 31, 2022, from <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=35937>

Tatuzov, V. Yu. (2021). The acute problems of foreign direct investment and Western European integration: some cyclical factors. *Moscow University Economic Bulletin*, 3, 3–19. <https://doi.org/10.38050/01300105202131>

Varnavskii, V. G. (2021). Global Value Chains (GVCS) and COVID-19 Pandemic. *World Economy and International Relations*, 1, 14–23. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2021/1-t-65/economy-economic-theory/global-value-chains-gvcs-and-covid-19-pandemic>

Vozdvizhensky, A. S. (2015). Republic of Korea's experience in pursuing import substitution policy. *Eastern Analytics*, 4, 37–47. https://ivran.ru/f/E-analitika_2015_4_digit.pdf

Zagashvili, V. S. (2017). WTO and mega-regional agreements. *Russian Foreign Economic Journal*, 5, 27–37 [http://www.rfej.ru/rvv/id/50044EAAB/\\$file/27-37.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/50044EAAB/$file/27-37.pdf)